

Рашид Нагиев

Дорога к миру

*три новеллы о любви,
войне и дружбе*

Рашид Нагиев

Дорога к миру. Три новеллы о любви, войне и дружбе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42562754

Дорога к миру. Три новеллы о любви, войне и дружбе – Рашид Нагиев:

Книга-Сефер; Израиль; 2018

ISBN 972-965-7288-53-3

Аннотация

В своей новой книге Рашид Нагиев вновь говорит о главном – о любви, о жизни и смерти...

Его герои – смелые, сильные люди, сохранившее достоинство в любых обстоятельствах. Люди, для которых есть понятия чести, долга, совести.

Две страны в которых происходит действие книги, Израиль и Азербайджан, объединяет не только жаркое солнце и сильные страсти. Они – на стыке Востока и Запада, на границе цивилизаций, на грани войны и мира...

Содержание

Цена победы	5
1	7
2	15
3	21
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рашид Нагиев

Дорога к миру. Три новеллы о любви, войне и дружбе

© Рашид Нагиев, 2018

Рашид Нагиев родился в Баку в 1954 году. Окончил операторский факультет ВГИКа. Работал в кино и на телевидении. Член Союза кинематографистов СССР. Лауреат Государственной премии Азербайджанской Республики. В Израиле с 1993 года. Живёт в Ашдоде. Работал на различных каналах израильского телевидения. Книги рассказов «Он, Она и Море» и «Олимпия» вышли в издательстве «Книга-Сефер».

Цена победы

*Меня никогда не отталкивала бедность
человека, другое дело, если бедны его душа и
памысль.*

Омар Хайам

1

Здание муниципалитета было самым высоким в этом маленьком южном городке Израиля. Кабинет главного архитектора города располагался на последнем восьмом этаже. Давид Перельман стоял у открытого окна и в очередной раз смотрел сверху на своё большое коммунально-строительное хозяйство. И в который уже раз его удручала обширная городская свалка, чёрной горой выросшая на пустыре сразу после дальних домиков с черепичными крышами. Ему вспомнилась где-то прочитанная информация о древнем Париже. Шестьсот лет назад мусорные холмы окружали этот город со всех сторон и даже были выше крепостных стен. Давид понимал, что если не предпринимать сегодня никаких мер, то очень скоро ситуация в их любимом городе будет хуже, чем в средневековом Париже. Уже сейчас, когда ветер дул со стороны свалки, город накрывал ядовитый запах гнили.

Но ещё одно неприятное зрелище очень огорчало главного архитектора, хотя и не имело прямого отношения к его деятельности – с каждым днём на свалку прилетало всё больше и больше морских чаек, будто где-то в природе сбились ориентиры, сменились адреса, маршруты и заблудились пути-дороги. Эти красивые и гордые птицы, символ полёта и свободы, на глазах превращались в жалких мусорщиков, копошащихся в грязи, дерущихся за кусок какой-то гадости и

пытающихся совокупляться в разлагающейся вонючей жиже. Давиду представлялось, что пройдёт немного времени, и чайки начнут гнездиться здесь, откладывая яйца, растить потомство и окончательно забудут своё чистое синее море. Вот тогда и наступит конец Света, ведь во Вселенной всё взаимосвязано, и сбой механизма в одной точке мира может изменить всё на целой планете. Возможно, когда-то так исчезли динозавры. К счастью, в этот раз апокалипсис не случится. Под председательством главного архитектора города комиссия по городскому планированию вынесла решение о закрытии свалки. А это значит, что скоро весь мусор будет отсортирован, спрессован и упакован для перевозки к месту окончательного захоронения. Грузовики очистят территорию от грязи, и на этом месте согласно плану возникнет современный парк отдыха и развлечений. Давид мечтал о таком подарке для всех жителей города и был близок к превращению мечты в реальность. Ну а чайки сами вернуться к родному и привычному морю.

Архитектор прикрыл окно и в затемнённом стекле увидел своё отражение – мужчина в сером костюме и светлой сорочке без галстука. Европейский овал лица с прямым носом, обычное телосложение без пивного животика, а в короткие чёрные волосы давно проникла коварная седина. Всё как обычно, и только карие глаза смотрели на мир с лёгкой грустинкой. Мужчина не копался в её причинах, лишь удивлялся тому, как быстро счётчик жизни накрутил ему пять-

десять семь лет...

В дверь кабинета постучали. Давид отошёл от окна, стряхнул со лба размышления и громко сказал:

– Войдите.

Вошла секретарша Эйताल с какими-то бумагами на подпись, следом за ней в кабинете неожиданно появился архитектор Пинхас Фельштейн – автор проекта строящегося в городе стадиона. Эйताल молча положила бумаги на письменный стол шефа и ушла. А Пинхас подошёл к Давиду и пожал ему руку.

– Здравствуй, начальник. Извини, что без предупреждения. Я пришёл разобраться с одним вопросом.

– Пришёл- так садись и рассказывай, – ответил Давид и вернулся в своё кресло.

В Израиле мужчины совместно трудились уже над пятым строительным проектом и потому хорошо знали друг друга. Толстый неповоротливый Пинхас сочетал в себе тонкий художественный вкус архитектора с огромным животом и хронической неряшливостью. Вот и теперь небритый, в измятом плаще и в грязных ботинках он с трудом опустился на стул и произнёс хриплым голосом:

– Я с утра на объекте и должен тебе сказать, что строители совсем потеряли совесть. Сплошные отклонения от проекта. А вместо мрамора вообще лепят что Бог пошлёт. Прораб прячется от меня, не с кем говорить. Короче, пришло время тебе вмешаться в ситуацию. Твоя прямая обязанность

контролировать качество строительства. Я даже думал напрямиком обратиться к Боссу.

– Спасибо, что напомнил мне про обязанности, – раздражённо ответил Давид. – Подключать Босса рановато ещё. С этой проблемой я сам разберусь. Сегодня же.

– Тогда я поехал на другой объект.

– Удачной дороги и не беспокойся, Пинхас, всё будет хорошо, – пообещал Давид.

Автор проекта медленно вразвалку вышел из кабинета. Давид нажал на кнопку переговорного селектора и предупредил секретаршу:

– Я поеду в спорткомплекс. Сегодня уже не вернусь.

Главный архитектор остановил машину у высокого деревянного забора, которым строители отгородились от всего остального мира. Правда, забор в некоторых местах уже покосился и даже зиял несколькими пробоинами. Это и не удивительно, ведь дворец спорта со своими железобетонными конструкциями был известным в городе долгостроем. Зимний дождь превратил всю территорию стройки в сплошную вязкую жижу. С трудом отыскивая сухие островки между лужами, Давид обошёл четверть огромной чаши стадиона. Высокий башенный кран находился в самом центре чаши и ловко обслуживал все участки строительства. Ещё задолго до начала работ Давид принимал активное участие в утверждении этого проекта. Он хорошо знал, что в итоге долж-

но вырасти на бывшем городском пустыре, и теперь достаточно было беглого взгляда специалиста, чтобы убедиться в правоте архитектора Пинхаса. Ещё немного постояв у вращающейся бетономешалки, Давид подошёл к вагончику прораба. На длинной скамье, прислонившись спинами к стенке вагончика, сидели трое рабочих.

– Добрый день, – приветствовал их Давид.

– Здравствуйте, – ответил один из рабочих.

– Сергей у себя?

– На склад пошёл. Сейчас позову, – тот же рабочий поднялся и зашагал в сторону кирпичных построек.

Давид зашёл в вагончик и огляделся – на синей стене висела рамка с лицензией, разрешающей строительную деятельность. Здесь же полка с технической литературой, а на письменном столе – телефон, плоский экран компьютера, календарь, карандаши, развёрнутые листы проекта, на полу электрокамин. Давид придвинул свой стул поближе к камину – сегодня в вагончике было холодно. Тяжёлые зимние ботинки не мешали Сергею легко взобраться в свой вагончик. Когда-то в далёкой молодости они вместе учились в городе революции, в Ленинградском инженерно-строительном институте. Затем судьба разбросала их по разным городам. И только через много лет они опять случайно встретились на стройке, но уже в Израиле.

– Ну, здравствуй, Давид. Какими ветрами к нам занесло высокое начальство? – спросил Сергей, пожимая руку ста-

рому приятелю.

– Да вот пришёл напомнить, что ты интеллигентный человек, видел когда-то Зимний дворец, Смольный институт, Екатерининский дворец в Царском селе.

– К чему это ты вспомнил вдруг шедевры великого Растрелли? – удивился прораб.

– Сейчас объясню, – ответил Давид и, поднявшись со стула, ткнул пальцем в несколько точек раскрытого чертежа, – здесь, здесь и здесь что должно быть согласно документации?

– Мраморная облицовка.

– А ты что лепишь?

– Каменную плитку.

– Мы строим Дворец спорта или коровник? – сердито спросил Давид. – Интересно, во времена Растрелли строители тоже творили, что взбрédёт в голову?

– Ну, ты высоко замахнулся, Давид, – продолжал сопротивляться Сергей. – Этот твой Пинхас Фельштейн далеко не Растрелли.

– Будешь здесь Растрелли, когда тебе всю жизнь навязывают битые кирпичи вместо мрамора. Короче говоря, Серёга, сегодня же разберёшь свою липовую декорацию. Я не допущу отклонений от проекта.

– Ты не понимаешь, всё не так просто, – не сдавался прораб. – Я действую по прямому указанию нашего Мэра. Поставки мрамора почему-то прекратились, и Амирам Соло-

монович приказал использовать любой другой материал, но завершить строительство уже в этом году. И я сдам этот объект без всякого мрамора.

– Ты ещё пообещай «к юбилею Великого Октября», – усмехнулся Давид. – Когда вы избавитесь от этих социалистических привычек?

– Ты это спроси у Босса. А мне ради чего конфликтовать с ним и подставлять голову под удар?

– Когда он приказал? – спросил Давид, понимая, что у прораба нашёлся серьёзный аргумент, с которым придётся разбираться.

– На прошлой неделе приезжал со своей свитой и сам прогулялся по стройке, – ответил Сергей и уважительно добавил, – наш Мэр личность известная, о нём я даже прочитал в Википедии – «активный строитель социализма, негибаемый борец за идеалы коммунизма, видный теоретик и практик сионизма». Несомненно, великий человек – успел отличиться и там и тут.

– По-моему, для нашего Босса это не было сложно, – ответил Давид – ведь, как известно, всё это придумали евреи, только кое-что для себя, а остальное – для других.

– Так или иначе, но говорить теперь надо только с ним, – подытожил Сергей.

Главный архитектор города вернулся в свою машину. Было четыре часа дня, а небо заметно потемнело, и дождь уси-

лился. Давид достал из кармана телефон и набрал номер. Послышались длинные гудки, затем ответил мужской низкий бас Мэра.

– Алло, я слушаю.

– Здравствуйте, Амирам Соломонович. Вас Давид беспокоит.

– Здравствуй, Давид. Я узнал тебя. Что-то случилось?

– Мне надо поговорить с вами. Вы могли бы принять меня сегодня?

– Что-то важное?

– Да, наш Дворец спорта.

– Я сейчас ухожу домой – давление опять подскочило.

Несколько дней посижу дома.

– Понятно, – разочарованно произнёс Давид.

– Сделаем так, приезжай ко мне завтра к двум часам. Я буду дома один, никто не помешает. Ты же знаешь адрес?

– Знаю. С вашего разрешения я приеду с автором проекта.

– Да, конечно. До завтра, – согласился Босс.

– До свидания, Амирам Соломонович. Выздоровливайте. – Давид закрыл телефон и завёл автомобиль.

2

Через пятнадцать минут он уже припарковал машину на своей стоянке. Улица перед домом была совершенно безлюдна. Сильный дождь овладел городом – ливень прогнал с улиц людей. Архитектор вышел из машины и торопливо направился к подъезду. Сквозь шум дождя он услышал какие-то хлопки, щелчки и визги. Странные звуки доносились со стороны мусорных баков, стоявших в дальнем углу двора за невысоким каменным забором. Давид заглянул за забор и увидел, как четыре дворовых кота окружили белую чайку и медленно подкрадывались к ней. Чайка по какой-то причине не могла взлететь, она лишь неуклюже хлопала крыльями об асфальт и, щёлкая длинным клювом, пыталась отбиться от настырных котов. А коты, видимо ещё не решили, кто первый вцепится в несчастную птицу и прикончит её. Но это был вопрос каких-то секунд. Давид быстро перелез через забор и решительно отогнал наглецов. Потом он нагнулся и взял чайку в руки. Птица перестала сопротивляться, словно понимала, что человек помогает ей. Давид промок под ливнем и быстро зашагал к своему подъезду.

Жена уже вернулась с работы и открыла ему дверь.

– А вот и мы, – шутливо сказал Давид и шагнул в прихожую вместе с чайкой в руках.

– Это что за чудо-юдо ты притащил? – устало спросила

Ривка.

– Это морская чайка.

– И зачем ты принёс грязную птицу? Я только сегодня вымыла полы. Ты же не ребёнок, должен соображать.

– Она не летает. И наши дворовые коты чуть не разорвали её, – попытался оправдаться Давид.

– Вот и не надо было вмешиваться в дела природы. Слабый и больной должен погибнуть.

– Но не у меня на глазах, – твёрдо ответил мужчина. – Ты зря злишься. Утром я поручу заместителю, и её устроят в какой-нибудь питомник.

– А что будет до утра? – не сдавалась хозяйка.

– Посидит на кухне. Ничего страшного.

– Она там так нагадит, что я потом кухню ничем не отмою, – сердито сказала женщина.

Давид понял, что спорить бесполезно, а конфликтовать не было никакого желания. Он просто стоял в прихожей и молча смотрел на жену.

Она была в домашнем махровом халате на голое тело с завязанным на талии поясом. В споре, жестикулируя руками, Ривка не заметила, как воротник чуть распахнулся, обнажив её высокую грудь, способную свести с ума кого угодно. Давид всегда знал, что его жена – красавица. Она была из той породы женщин, которые с годами становятся ещё привлекательнее и желаннее. Но этот удивительный дар Богов не принёс Давиду счастья, а даже наоборот, усложнил ему жизнь, по-

тому что очень скоро мужчина открыл странную закономерность в отношениях с женой – чем привлекательнее внешне она становилась, тем сильнее портился её характер. Теперь она уже не была для мужа ни другом, ни соратником, ни просто человеком способным понять и поддержать его в сложный период жизни или в каких-то конфликтных ситуациях. Мужчина пытался разобраться с этим феноменом бытия, ходил за советом к психологам, к астрологам, к неврологам. Специалисты предположили, что у Ривки портится характер из-за невозможности иметь детей. Давиду ничего не оставалось, как смириться с этим фактом. Однако потом он сделал своё маленькое открытие – когда из сердца уходит любовь, пустоту заполняют раздражение и злость.

И вот теперь, стоя в прихожей с мокрой чайкой в руках, Давид задал свой очередной наивный вопрос.

– Ты же у нас заведешь отделом экологии, неужели тебе совсем не жаль птицу?

– Не жаль, – уверенно ответила женщина. – Отвези её на городскую свалку, они сейчас все там пасутся.

Давид завёл машину и выехал со двора. Слова жены его окончательно взбесили. Она даже не предложила ему переодеться в сухое. Такого не было ещё никогда. Он на нервах проехал три перекрёстка, потом притормозил возле автобусной остановки, чтобы вспомнить на какой улице ему несколько раз попадался на глаза рекламный плакат ветеринарной клиники. Но глядя на будку из пластика, мужчина

вдруг вспомнил, что именно на этой остановке двадцать лет назад они с Ривкой вышли из автобуса и пошли в свою тогда ещё съёмную квартиру. Вдруг на тротуаре появился маленький щенок дворняжки. Он сразу подбежал к молодой паре и стал тереться об их ноги с явным намёком на то, чтобы люди взяли его в дом. Расчёт щенка оправдался. Ривка подняла его и приласкала.

– Посмотри, какой хороший! Я возьму его себе.

Давид тогда ничего не ответил, но сама идея ему не понравилась – парню совсем не нужен был даже такой конкурент на внимание девушки. Вечером на кухне Ривка устроила уголок для щенка – принесла две миски с водой и кормом, постелила коврик для отдыха. Щенок был откровенно доволен. А ночью уже Давид получил от красавицы свою порцию нежности и ласки. Он входил в любимую девушку глубоко и долго, ощущая невероятное наслаждение. Но перед самым финальным взрывом парень почувствовал какую-то странную вибрацию. Давид с удивлением открыл глаза и увидел перед собой её смеющееся лицо. Затем смех перешёл в хохот, который невозможно было остановить.

– Я делаю что-то не так? – растерянно спросил Давид.

– Убери его, убери, – сквозь смех успела сказать Ривка. Давид посмотрел на край кровати и увидел, что щенок разлёгся на их простыне и спокойно лижет девушке пятку. Но парню не нужен был партнёр по сексу, и потому, прогнав щенка, Давид сам успешно завершил начатое дело. Потом

они с Ривкой лежали обнявшись, голые и счастливые, и долго смеялись над этим вариантом секса втроем. И вот сейчас, в машине под проливным дождём мужчина с сожалением думал о том, что та самая добрая и весёлая девушка, когда-то приютившая щенка, теперь легко выставила за дверь мужа вместе с раненной чайкой. Почему время так безжалостно меняет нас и, чаще всего, в худшую сторону?

Было уже семь часов вечера, когда Давид подъехал к дверям ветеринарной клиники. Входная дверь была закрыта, хотя в помещении ещё горел свет. Удерживая одной рукой чайку, Давид нажал на кнопку дверного звонка. Через минуту женщина в белом халате открыла ему дверь.

– Добрый вечер, – сказал мужчина и шагнул в помещение.

– Я уже собиралась уходить. Что у вас случилось? – спросила женщина.

– Я нашёл чайку во дворе. Она не летает.

– Её надо осмотреть. Поможете мне?

– Конечно. Что надо делать?

– Чайки не любят осмотр и начинают больно клеваться. Подержите её за шею. – Ветеринар раскрыла оба крыла и осторожно прощупала их. Потом она сообщила о переломе левого крыла.

– Несите её на стол, – попросила ветеринар.

Теперь Давид внимательнее присмотрелся к женщине – каштановые волосы, короткая стрижка, мягкие черты простого лица. Рост чуть ниже среднего, а белый длинный ха-

лат немного её полнил, скрывая изгиб талии. Вполне обычная внешность, вот только в её голубые, добрые и бездонные глаза хотелось смотреть и смотреть. Доктор подошла к птице, взяла обеими руками сломанное крыло, и вскоре Давид услышал характерный хруст, словно какие-то хрящи и перья встали на место. Далее она обработала открытую рану раствором йода, закрепила две металлические спицы на месте перелома и, приложив залатанное крыло к туловищу чайки, туго перевязала специальным бинтом. Всё это время Давид придерживал птицу за шею, не позволяя ей клеваться.

– Чайка будет пытаться сбросить с себя перевязку, но у неё ничего не получится, – уверенно объяснила ветеринар.

– А когда она сможет летать?

– Через месяц, – ответила женщина и уложила птицу в большую клетку, прикреплённую к стене.

– Если хотите, я отвезу вас домой? – предложил Давид.

– Спасибо, но у меня своя машина.

Давид протянул ей свою визитную карточку и сказал:

– Здесь мои координаты. Позвоните, пожалуйста, в день, когда решите отпускать птицу на волю и вообще, если вам понадобится моя помощь.

– Обязательно приглашу вас на показательный полёт, – шуточно пообещала ветеринар.

Давид вышел на улицу с ощущением полного покоя на сердце, словно сейчас лечили его, а не чайку. Ливень продолжался.

Два часа дня. Посреди просторной комнаты стоял массивный круглый стол в стиле восточного ретро. Да и сам седовласый Амирам Соломонович в своём расписном длинном халате с шёлковым воротником напоминал сказочного халифа, ненадолго вышедшего к гостям по дороге в гарем. Кто-то когда-то назвал его Боссом, и это определение прижилось, потому что отражало суть происходящего – он всегда находился на руководящей работе и всегда оказывался выше инструкций и правил – он был Боссом.

Улыбаясь, Давид начал представлять гостей.

– Познакомьтесь, Амирам Соломонович, это наш автор проекта архитектор Пинхас Фельштейн. А это мой молодой заместитель Ярон Фертман, он давно мечтал с вами познакомиться.

В ответ Босс гостеприимно улыбнулся и сказал:

– Присаживайтесь за стол, друзья. Что там у вас с этим Дворцом спорта?

Давид начал издалека:

– Этот спортивный комплекс мы строим не на один год, Амирам Соломонович, и важно соблюсти известный архитектурный принцип – польза, прочность, красота. А строители по-прежнему допускают серьёзные отклонения от проекта. О прошлых их художествах я уже докладывал вам, и

вот теперь мрамор для внешней и внутренней облицовки заменяется...

– А давайте-ка, я покажу вам своего попугая, – неожиданно перебил его Босс.

– Попугая? – удивился Давид.

Остальные гости молчали, тупо уставившись на Босса.

– Да, попугая, – подтвердил Босс. – О работе мы ещё успеем поговорить, а такую птицу вы даже в цирке не увидите. Я семь месяцев обучал попугая по особой индийской системе, и теперь он творит чудеса.

– Очень интересно, – Пинхас просиял какой-то дебильной улыбкой.

– Сейчас, друзья, я познакомлю вас со своим Ципором. – Босс встал из-за стола и направился в смежную комнату. Через минуту он вернулся с высокой круглой клеткой в руках. Маленький зелёный попугай покачивался на перекладине и вертел головой во все стороны. «Старик решил позабавиться», – раздражённо подумал Давид. Босс опустил клетку на стол поближе к гостям и, нагнувшись к попугаю, скомандовал:

– Скажи-ка нам, Ципор: Амирам Соломонович, Амирам Соломонович, ну давай, Амирам Соломонович.

– Чик-чирик-чик. Чирик-чик-чик, – громко прокричал попугай.

– Ну как, слышали? Слышали? – радостно спросил Босс. – Какая ясность произношения!

– Да, прекрасно разговаривает, почти как человек, – охотно подтвердил Пинхас, – удивительная птица.

– А ты слышал, Давид?

– Да, чёткое произношение, – с трудом выдавил из себя главный архитектор.

– Попробуем ещё. Скажи-ка нам: мрамор, мрамор, мрамор...

– Старик издевается или на самом деле рехнулся? – недоумевал Давид. – Разве за этим пришли они в этот дом?

– Чик-чирик-чик-чик. Чирик-чик, – крикнул попугай, глупо вращая головой.

– А теперь как? – с искренней гордостью спросил Амирам Соломонович.

– Замечательно! Ничего подобного я в жизни не слышал, – как можно серьёзнее ответил Пинхас.

– Представляете, все мои родственники и друзья в восторге от этого попугая, – Босс хотел было продолжить свой рассказ о любимой птице, но вдруг услышался чей-то смех. Собеседники оглянулись – Ярон смеялся от души, хотя пытался прикрывать рот ладонью. Смех мешал парню, но он смог выговорить:

– Извините, Амирам Соломонович, но ваш попугай безнадежно тупой. Он ничего не говорит.

– Как это тупой? Ты что мелешь? – возмутился автор проекта, хотя не имел к попугаю никакого отношения.

– Этот вид попугаев в принципе не восприимчив к обуче-

нию, – будто нарочно добавил ещё перчика молодой замести-
тель. Наступило неловкое молчание. Босс заметно помрач-
нел, демонстрируя этим полное отсутствие чувства юмора.
Он повернул к Ярону каменное лицо и сказал:

– Тебе не помешало бы обратиться к специалисту по ушам. Ты совсем ничего не слышишь.

– И не только по ушам, но и по голове тоже, – сердито добавил Пинхас. Ярон вновь отвернулся, чтобы в очередной раз спрятать невольную улыбку. Это окончательно взбесило Босса. Он резко встал из-за стола, нервно поднял клетку и на мгновение замер на месте, вспомнив, наконец, зачем вообще приходила к нему эта делегация. Потом начальник сказал привычным командным тоном:

– С мрамором я сам разберусь, а вы, кровь из носа, сдайте объект в этом году. Пора сокращать процент незавершённого строительства. Вы свободны, господа.

– Чик-чирик-чирик-чирик, – весело добавил попугай.

Они возвращались в муниципалитет города с чувством гнетущей неопределённости. Давид неторопливо вёл машину по знакомым улицам. Ярон сидел рядом, а толстый Пинхас нервно пыхтел, развалившись на заднем сидении. Поначалу ехали молча, разговаривать не хотелось. Первым прервал тишину Пинхас своим сердитым вопросом к главному архитектору:

– Ты зачем взял с собой этого эрудита, этого специали-
ста-орнитолога?

Давид не ответил. Но в разговор вмешался сам молодой эрудит и спросил:

– А что тебя не устраивает?

– Язык надо за зубами держать, вот что. А теперь мрамор накрылся медным тазом.

– Из-за какого-то попугая? Не слишком ли? – искренне удивился парень.

– Какой-то попугай в джунглях летает, а это попугай Босса. Улавливаешь разницу? Куда ты лезешь со своей правдой?

– А если бы Босс сказал, что его попугай лучше тебя играет в шахматы, ты бы и с этим согласился?

– Да, согласился бы ради моего проекта и ради работы. У меня, между прочим, четверо детей.

– Плюс ко всему, это – правда. Пинхас вообще не умеет играть в шахматы. Попугай играет лучше, – вставил Давид свои «пять копеек».

– Когда же мне тренироваться с такой жизнью, – попытался оправдаться толстяк.

– А у меня вот нет детей, – продолжал наступать молодой заместитель, – и вообще я не вижу причин, чтобы так откровенно стелиться под кого-то. Это же маразм – личный попугай для Босса важнее, чем ситуация на строительстве.

Пинхас ответил упавшим голосом:

– Это про таких, как ты, сказал Горький – «безумству храбрых поём мы песню». Хотя откуда тебе знать, кто такой Горький.

– Горький – это поэт? – переспросил Ярон.

– Горький – это писатель, – объяснил Пинхас и добавил, – успокойся, герой. Всё что мог ты уже испортил.

Спорщики замолчали. В машине опять стало тихо, лишь «дворники» продолжали монотонно скользить по стеклу, борясь с дождём. До цели оставалось минут пять езды. Давид бросил взгляд на обзорное зеркало и увидел в левом углу своё отражение – седина всё активнее вытесняла чёрный цвет волос. Под глазами образовались новые морщинки. А когда возник этот хронически усталый взгляд? «Как-то неожиданно быстро ушла молодость, – подумал архитектор. – А может, её никогда и не было?» Наверно, не было. Разве он говорил когда-нибудь с начальством с такой свободной беспечностью: «Ваш попугай безнадёжно тупой, а вы сами ещё тупее». Нет. Он говорил всегда только то, что было полезно для карьерного роста. Эх, Ярон, Ярон! Конечно же, ты прав, но как ты не похож на нас, родившихся в лагерях социализма. Ты умеешь говорить прямо, по существу, без оглядки, без страха и без этих дипломатических выкрутасов. Вот только бы узнать, когда придёт твоё время. Давид заехал на подземную стоянку рядом со зданием муниципалитета.

Спустя два дня в его кабинет позвонил Босс.

– Привет, Давид.

– Здравствуйте, Амирам Соломонович.

– Ты помнишь наш последний разговор?

– А что именно?

– По поводу Дворца спорта.

– Конечно, помню.

– Так вот, слушай сюда, через три дня, как я и обещал, поставки мрамора возобновятся. Но и ты для меня кое-что должен сделать.

– Я внимательно слушаю.

– Ты уволишь своего смешливого заместителя. На этом месте должен быть серьёзный человек. У меня уже есть отличная кандидатура для тебя, – уверенно объявил Босс.

Давид замолчал. Эта новость ему не понравилась.

– А в ответ тишина, – усмехнулся Босс, – ты там задумался или уснул? Что замолчал?

– Конечно, Ярон парень молодой и горячий, – отозвался, наконец, Давид, – но он отличный специалист и добросовестный работник. Я против его увольнения.

– Вопрос уже решён и не обсуждается, – отрезал Босс. – Хороших специалистов много, но нам нужны надёжные и верные люди. А от твоего смешливого человечка можно дожидаться чего угодно. Сегодня же закрой эту тему и доложи.

– Я вас понял, Босс.

– Вот и замечательно.

Затем в трубке раздались короткие гудки. Несколько минут Давид молча сидел за своим столом, уставившись в одну точку на противоположной стене. Потом он нажал на кнопку переговорного селектора и спросил:

– Эйталь, а где Ярон?

– С утра уехал на швейную фабрику. Там какая-то проблема с крышей, а каждый день дожди.

– Когда вернётся, пусть сразу зайдёт ко мне.

– Я поняла.

Ровно в два часа дня в кабинет главного архитектора вошёл его заместитель Ярон Фертман – молодой мужчина тридцати лет, спортивной внешности, с открытым приветливым лицом. Одет он был по сезону в плотный джинсовый костюм. На ногах чёрные ботинки на толстой подошве.

– Проходи, садись, правдолюб ты наш, – сказал Давид. Ярон небрежно опустился на стул напротив начальника и сказал:

– Хочешь, я угадаю, зачем ты меня вызвал?

– Угадай.

– Босс требует мою голову.

– Правильно, молодец.

– Догадаться было несложно. И как же ты намерен поступить?

– Не вижу вариантов. Буду увольнять тебя, – откровенно сообщил Давид.

– Но ты же можешь не согласиться.

– Могу, только это тебе никак не поможет. Просто к твоей голове приставят мою голову и прогонят обоих. А у меня, как назло, осталась мечта – хочу раз в жизни сделать что-то важное и полезное для города и для людей. Я хочу убрать

отсюда эту гниющую свалку, но смею предположить – без моего сопротивления эта свалка останется здесь навсегда.

– И ты решил пожертвовать мной ради своей мечты. Красиво. Прямо индийское кино. Осталось только спеть и станцевать.

– Я много раз советовал тебе фильтровать слова, но тебе же море по колено. Тебе непременно надо самому лизнуть горячий самовар. Теперь не обижайся. Или ты думал, что можно без всяких последствий откровенно насмеяться над Боссом?

– Лучше уж лизать самовар, чем кое-что другое, – вдруг выдал неугомонный заместитель.

– А это уже откровенная наглость, – сказал Давид. – Ты неисправимый хам, но ставить тебя в угол я не буду, а знаешь почему? Потому что сам так думаю и здесь, скорее всего, не задержусь. Я даже напишу тебе хорошую рекомендацию, если хочешь. Мне бы только покончить с этой свалкой. Вот такая идея фикс.

– Сейчас я всё понял, – не унимался Ярон.

– Что ты понял?

– Для Босса театр с попугаем – всего лишь способ определить, до какой черты может прогнуться нужный ему человек. Теперь Босс уверен, что ты готов на любой компромисс с совестью, а значит, скоро он потребует у тебя нечто очень важное. Не прогадай и не ошибись, начальник.

Давид просто отшутился:

– Как говорил один мой товарищ ещё там, в Союзе – «постараюсь лицом в грязь не промахнуться».

Ярон поднялся со стула и пошёл к выходу. Перед дверью он оглянулся и сказал:

– Я живу один, и для тебя мой дом всегда открыт.

Как только Ярон вышел из кабинета, мобильник главного архитектора в очередной раз зазвонил.

– Здравствуйте, Давид. Я вам не мешаю? – спросил приятный женский голос.

Давид сразу же узнал женщину- ветеринара.

– Нет, не мешаете. Я вас слушаю.

– У меня к вам небольшая просьба. Я часто оставляю больных животных в клинике на несколько дней. А сейчас ночами холодно, животные мёрзнут. Я купила для них воздушный обогреватель, но не знаю, как подключить. У вас в муниципалитете наверняка дежурят электрики. Вы можете поручить кому-нибудь из них...

Давид не дал женщине договорить.

– Я сам приеду к вам сегодня после работы и всё установлю.

– Но мне как-то неловко, что вы сами будете возиться с обогревателем.

– Поверьте, корона не упадёт с моей головы, – улыбнулся мужчина, – к тому же я хочу ещё раз встретиться с вами, а это удачный повод совместить приятное с полезным.

– Вы всегда такой откровенный?

– Нет. Не всегда и не со всеми.

– Хорошо, я подожду вас вечером, – пообещала женщина.

– А как поживает наша чайка? – спросил Давид.

– Успешно выздоравливает. Я забрала её к себе домой.

Она пока обитает в большой клетке на веранде.

– Странно, – сказал Давид, – вы сообщили мне много интересного, но до сих пор так и не назвали своего имени.

– Ясмин, – ответила женщина.

В восемь часов вечера Давид постучал в закрытые двери ветеринарной клиники. Он был в кожаной куртке, хорошо защищавшей от дождя и ветра, в тёмно-синих джинсах с боковыми карманами и в тёплых ботинках. В руках находилась большая сумка с дрелью и набором необходимых инструментов. Ясмин впустила его и повела в комнату, где намеревалась установить воздушный обогреватель. Она уже переделалась и ждала Давида в модном бежевом плаще с поднятым воротником. Вокруг шеи был намотан цветастый шёлковый платок. А зимние полуботинки на высоком каблуке хорошо подчёркивали стройность её ног. Мужчина опустил сумку на пол и огляделся – это была небольшая комната с множеством разнообразных клеток для птиц и животных. В некоторых сидели либо лежали собачки и кошки с перевязанными лапками, животами, хвостами – видимо, после операций. Здесь же в отдельной клетке сидел большой серый попугай и внимательно наблюдал за человеком.

– Этот наверняка разговаривает, – подумал Давид и достал из сумки электродрель.

– Я хотела бы установить обогреватель на противоположной стене, чтобы тёплый воздух доставал до животных, – попросила Ясмин.

– Я так и сделаю, хозяйка, – шутливо ответил Давид. Не снимая куртки, мужчина легко просверлил два отверстия в бетонной стене, забил в них пластиковые пробки и двумя шурупами закрепил металлический держатель под корпус обогревателя. Затем концы трёх проводов, выходящих из стены, он освободил от изоляционной ленты и аккуратно присоединил к новой розетке. Теперь оставалось установить корпус обогревателя на держатель и вставить вилку прибора в электрическую розетку. Когда через десять минут всё было готово, Давид предложил самой Ясмин потянуть за боковой шнурок и включить обогреватель.

– Вот и всё. Принимайте работу, хозяйка, – сказал Давид. Женщина по-детски обрадовалась, когда на приборе загорелась красная лампочка, а из глубин обогревателя через металлическую решётку обильным потоком начал выходить тёплый воздух, заполняя собой всё пространство клиники. Стало заметно теплее.

– Я удивлена, – ответила Ясмин, – мне казалось, что установка займёт гораздо больше времени.

– Это я специально торопился. Надеюсь, что останется какое-то время и вы согласитесь посидеть со мной в кафешке

здесь рядом.

– Должна признать, что за такую оперативность вам полагается вознаграждение, – сказала Ясмин.

Большой бокал горячего кофе с молоком хорошо согрел в холодный вечер. Ясмин и Давид сидели за столом напротив друг друга и молчали. В маленьком кафе под названием «Авокадо» кроме них находились ещё два официанта и бармен за стойкой рядом с кассовым аппаратом. Оформление помещения ничем особенным не отличалось от сотен подобных кафешек. Только в самом центре небольшого зала стоял красивый белый рояль с поднятой крышкой, словно к нему вот-вот должен был вернуться пианист. Женщина первой прервала молчание.

– Мне кажется, зима в этом году выдалась необычно холодной и дождливой для Израиля. Все попрятались по квартирам.

– Так оно и есть, – согласился мужчина.

– Вы знаете, я несколько раз пыталась поговорить с кем-нибудь из руководства муниципалитета, но мне так и не удалось. Все очень заняты. Может, это не вовремя и не к месту, но раз уж мы сидим за одним столом, я спрошу у главного архитектора – когда прекратится это безобразие, это издевательство над нашим городом и природой?

– О чём вы говорите? – не понял Давид.

– О жуткой, чёрной свалке, которая растёт и приближается к нашим домам. Скоро не только чайки, а все мы окажем-

ся под этой страшной горой.

– Через месяц всё закончится, – уверенно ответил Давид.

– Свалки не будет? – не поверила Ясмин.

– Не будет. Даю вам честное слово.

– Вы шутите?

– Нет, совершенно серьёзно. Вы спросили, я ответил.

– Значит, чудеса случаются? – женщина заметно повеселела, не ожидая такого скорого и положительного результата.

– Чудеса не только случаются, – ответил главный архитектор, – они постоянно вокруг нас. Просто мы давно привыкли к ним.

В эту минуту к роялю подошёл пианист и заиграл мелодию на все времена:

– Besame besame mucho...

– А вот вам и очередное чудо – замечательная мелодия, – сказал Давид и встал из-за стола, чтобы пригласить на танец Ясмин. Он принял в свою руку её маленькую ладонь, другую руку опустил ей на талию и привлёк к себе значительно ближе, чем это требовалось в танце. Но так он легко вдыхал манящий аромат её духов и всем телом ощущал соблазнительную полноту её женственных форм и упругость груди. Пианист продолжал играть волшебную мелодию. Официанты откровенно скучали, наблюдая за единственной танцующей парой в зале. Дождь всё стучал и стучал по оконному стеклу. Медленно двигаясь в танце вместе с Давидом, Ясмин всё время смотрела ему в глаза. Потом сказала:

– Ты ни о чём не спрашиваешь меня, ты всегда такой неразговорчивый?

– Я уже знаю главное, а всё остальное не так уж и важно. Ты сама расскажешь, если считаешь нужным.

– И что ты знаешь?

– Ты добрая. Рядом с тобой очень тепло. Ты мне нравишься.

Они опять замолчали. Этот медленный танец лучше всяких слов помогал мужчине и женщине найти друг друга и уже никогда не терять. Ясмин молча обняла Давида обеими руками и прижалась щекой к его груди.

Besame besame mucho... – чудесная мелодия продолжалась.

Утро следующего дня. Зима заканчивалась. Но пасмурные и прохладные дни всё ещё сопротивлялись приходу весны. Босс позвонил Давиду на мобильник и, как обычно, начал свой разговор издалека:

– Сегодня такой пронизывающий холод и на душе тоскливо. Я сижу сейчас в кресле у моря, укутался в плед и дышу свежим воздухом. Ты не хочешь присоединиться и прогуляться со мной по берегу моря?

Давид понял, что это не просьба, а приказ.

– Куда мне подъехать? – спросил он.

– К бульвару Лидо.

Потом они медленно пошли по песчаному берегу в сторону далёкой избушки спасателей, пустовавшей зимой. Двое молодых парней в строгих костюмах шли позади, метрах в двадцати от Босса и главного архитектора. На этом участке берега больше никого не было, даже птицы не летали. А море и небо потеряли линию горизонта и слились в одно серое унылое марево. Давид понял, что разговор будет серьёзный, потому и происходит не в кабинете.

– Я доволен тобой, – начал беседу Босс, – ты вовремя убрал этого весёлого засранца. Теперь рядом с тобой всегда будет наш человек.

– А что значит «наш человек»? – удивился Давид, – мы

же не в разведке служим.

– У нас иногда бывает круче, чем в разведке.

– Загадками говорите, Босс. Заинтриговали вы меня.

– Ты знаешь, в последнее время какую газету ни открой, везде натыкаешься на броские заголовки – криминальные круги, криминальные структуры, криминальные авторитеты, криминальные разборки – ну совсем запугали народ. А по сути, весь этот криминал – такие же люди, как все. Разница только в том, что они умеют делать деньги из ничего. Например, пока вы с этим, как его, с автором проекта искали свой мрамор для стадиона, я отправил этот мрамор тем, кому он был нужен в тот момент позарез. Через две недели мне мрамор вернули, в том же объёме, но уже по другой, по моей цене. В результате на особом счету у меня плюс сто тысяч долларов из ничего, из воздуха, за две недели. Да и стадион ваш не пострадал. Вот ведь какой фокус.

– Зачем же вы раскрываете мне такую информацию?

– Я доверяю тебе и уверен, что ты не побежишь стучать на старика. А во-вторых...

– А во-вторых, эти ваши парни меня не больно зарежут, не так ли? Ну, просто кино и немцы, – улыбнулся Давид.

Босс тоже от души рассмеялся.

– Ценю твоё чувство юмора, хотя мокруха и я две вещи несовместимые. Моя специализация – деньги.

– Но вам что-то нужно от меня? Не поверю, что всё дело лишь в желании вместе прогуляться.

Однако старик не спешил открывать все карты. Он остановился и посмотрел на море. Туман усилился и размыл силуэты людей и предметов. У Давида возникло странное ощущение нереальности происходящего, будто он видит фильм на экране и в то же время сам участвует в напряжённом сюжете. Сопровождавшие их парни стояли в стороне и спокойно курили. Немного отдохнув, Босс продолжил движение в мутно-сером пространстве, а свои размышления начал со всем уж издалека:

– Когда-то мой великий земляк Лев Троцкий заявил: «революция – это я». А я скажу сегодня без ложной скромности – интеллект это я. Короче говоря, моя бригада охраняет городскую свалку и контролирует всё, что там происходит – въезд на территорию, разгрузка мусоровозов, сортировка, упаковка и захоронение отходов. Можешь мне поверить – разгрузка одного грузовика обходится клиенту в очень кругленькую сумму, а таких мусоровозов каждый день прибывает к нам до пятисот штук. Думаю, тебе не сложно будет догадаться о какой ежедневной прибыли идёт речь, даже после всех откатов и производственных расходов.

– Это же Эльдorado! – восхищённо сказал Давид. – Но вы так и не объяснили, что требуется от меня?

– А ты сам не догадываешься? Нужно, чтобы это самое Эльдorado никогда не кончалось. А для этого городская свалка должна оставаться на своём месте и продолжать функционировать.

– Но вы-то знаете, что уже принято решение комиссии по городскому планированию о ликвидации этой свалки.

– А ты для чего там сидишь председателем этой комиссии? – сердито напомнил Босс. – Значит надо подписать новое решение, где свалка признаётся очень выгодным объектом для городского бюджета. Короче говоря, текст нового решение уже написан и находится у моего секретаря. Надо только к нему зайти и подписать. Твоя доля как председателя – сорок тысяч шекелей ежемесячно на особый счёт, о котором никто никогда не узнает, даже твоя жена, – шутливо уколол Босс. – Ну как, ты доволен?

– А как другие члены комиссии? – спросил Давид.

– Члены как члены, – усмехнулся Босс. – Кто-то уже подписал, а кто-то ещё ломается. В основном они выжидают, хотят увидеть, как поведёт себя председатель. Теперь многое зависит от тебя. Но ты же не подведёшь старого друга? Мы же друзья, не так ли?

– Мне надо подумать, – сказал Давид, желая выиграть ещё немного времени.

– Понимаю, понимаю. У каждого вопроса своя цена, – согласился Босс. – Ладно, пятьдесят тысяч шекелей в месяц. Больше добавить не могу. У нас бригада многочисленная, не хочу никого обижать. Кстати, твоя жена уже подписала от отдела экологии, и ты кончай тянуть кота за яйца.

Сам того не подозревая, Босс совершил роковую ошибку. Узнав новость о жене, Давид понял, что никогда не подпи-

шет этот липовый протокол, даже если к его ногам бросят всё золото мира. Он резко остановился и, глядя в упор в глаза Босса, решительно сказал:

– Я не подпишу.

Босс понял, что это серьёзно и спросил:

– Можно поинтересоваться, почему?

– Посмотрите на это море, и на это небо, Амирам Соломонович. Там нет ничего живого. Всё тоскливо, уныло и печально. А я хочу, чтобы сюда прилетели чайки и вернули жизнь этим мёртвым просторам. Но для этого ваша вонючая свалка должна исчезнуть навсегда.

– Ты свихнулся, парень, какие, к чёрту, чайки? Речь идёт о миллионах. Может, ты не понял – через три года у тебя будет всё – вилла, яхта, свой самолёт, любые женщины и вечный отдых на лазурном берегу...

– Или вечный отдых на местном кладбище, – усмехнулся Давид и продолжил, – я хочу видеть чаек вот здесь, сейчас над морем и хочу, чтобы не было вашей ядовитой, мерзкой свалки.

– Понятно. Это патология. Обойдёмся без идиотов, – злобно произнёс начальник. – Сегодня же ты будешь уволен. О хорошей работе можешь забыть. Ты у меня сгниёшь под забором, болван.

Босс вместе со свитой торопливо зашагал в сторону своего джипа.

Давид вернулся домой раньше обычного. Он включил те-

левизор, сел в кресло и стал ждать жену. Ему надо было задать Ривке лишь один вопрос. Ровно в шесть часов вечера жена открыла своим ключом входную дверь и вошла в квартиру. Не переодеваясь, прямо с порога она выплеснула на мужа всё своё недовольство.

– Мне обо всём уже рассказали – ты поругался с Боссом. Но это глупо. Где ты найдёшь такую работу в этом возрасте? Да и кто тебя возьмёт без рекомендаций Босса? А уж он напишет такую рекомендацию, что и дворником не устроишься. Завтра же вернись к Боссу, повинись и сделай всё, что он хочет. Босс всегда к тебе хорошо относился и обязательно простит.

– А с чего ты взяла, что мне нужно его прощение? – спросил Давид. – Ты не допускаешь мысли, что прав я, а не он?

– Прав, не прав, какая разница, в любом случае всё решает он, а не ты. Так и нечего выпендриваться. Делай, что говорят. Завтра же вернись на работу.

Давид понял, что надо заканчивать этот бессмысленный разговор глухого со слепым, и пора задать свой последний вопрос.

– Скажи, Ривка, ты подписывала новое решение по поводу городской свалки?

– Да, подписывала. Мне даже обещали выдать премию в пятьсот шекелей в следующем месяце.

– Ты же возглавляешь отдел экологии, почему ты согласилась? Тебя не раздражает эта чёрная ядовитая гора рядом с

нашим городом?

– Не раздражает, – сердито ответила Ривка. – И с твоей экологией ничего не случится, а пятьсот шекелей на улице не валяются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.